

ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКОМ В КНИГЕ А. де КЮСТИНА «НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ» (LA RUSSIE EN 1839)

И. С. Воронкова

Воронежская государственная технологическая академия

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению проблемы освоения русской действительности французским языком на примере книги А. де Кюстина «Николаевская Россия (La Russie en 1839)». В процессе оязыковления «чужой» действительности выделяются и анализируются основные типы реалий — R-реалии, L-реалии и C-реалии. В статье рассматривается смешанный информационный и интерпретирующий комментарий.

Ключевые слова: лакуна, реалия, комментарий.

Abstract: The article presented is devoted to the problem of Russian reality mastering (assimilation) with the French language help in A. de Custine's book «Russia in the year of 1839 (Tsar Nicholas's Russia)». The main reality types (R-reality, L-reality, C-reality) are taken and analyzed in the process of unknown reality interpreting. Mixed information and interpreting commentary is studied in the article.

Key words: Lacuna, reality, commentary.

Маркиз Астольф де Кюстин — известный французский писатель и путешественник. Воспитанный на философии французского Просвещения, убежденный сторонник абсолютной монархии, отец и дед которого были казнены во время Великой французской революции, Кюстин отправился в Россию, чтобы убедиться в преимуществах самодержавной формы правления, «увидеть все своими глазами, чтобы лучше узнать» (*voir pour savoir*).

Книга Кюстина «La Russie en 1839» написана в распространенном в то время литературном жанре писем путешественника, в которых автор делится своими впечатлениями о пребывании в обеих столицах и провинции. Кюстин воспроизводит точную картину того, что увидел во время своего путешествия по России, описывает большие и малые города России, памятники архитектуры, встречи с разными людьми. Она вышла во Франции в 1843 году, имела ошеломляющий успех, была переведена на многие языки и оказала большое влияние на европейское общественное мнение. Напротив, в России книга была признана клеветнической, о ней было запрещено упоминать в официальной печати, а ее автор, взгляд которого «оскорбительно много видит», обвинен в русофобии.

Несмотря на общую негативную оценку, на признание того, что в книге Кюстина «много поверхностных, высокомерных, несправедливых обвинений России и русского народа, иной раз просто нелепостей», критики вынуждены признать, что «Николаевская Россия» — одна из немногих

книг, сохраняющих для современного читателя не только исторический, но и актуальный политический интерес [3, 8]. Ошибочные и спорные суждения, высказанные автором «по незнанию, либо в пылу обличительного задора», не умоляют достоинств его сочинения. Записки французского путешественника являются крупным историческим памятником, интересным документом мрачной и зловещей эпохи, которая связана с именем императора Николая I [2, 29]. За увлекательными, яркими и художественными страницами книги мы ясно и отчетливо видим лицо эпохи.

Взгляд Кюстина интересен еще и потому, что он отражает позицию официальной Франции, отношения которой с Россией были в то время весьма сложными, в связи с июльской революцией 1830 года и польским восстанием 1831 года.

Важно также отметить, что книга написана французом, впервые посетившим Россию, хотя и хорошо знакомым с ее историей по книгам «История России и Петра Великого» Сегюра и «Историей государства Российского» Карамзина, вышедшей в 1826 году в Париже в переводе Жофре. Отсюда — ее острота и свежесть, очень часто отсутствующие у отечественных мемуаристов, описывающих обстановку, в которой они родились и выросли [2, 27].

В духе выбранного жанра А. де Кюстин ведет неторопливое и подробное повествование о своем путешествии, помогая французскому читателю открыть для себя и «понять загадочную Россию» (*comprendre la mysterieuse Russie*). Поставленная задача решается автором с использованием многочисленных и разнообразных художественных

приемов, которые вплетаются в сложную ткань произведения, где последовательно и четко противопоставляются факторы «свой» / «чужой».

Анализируемая книга представляет собой сочинение из 36 писем, предваряемое предисловием автора (Avant-propos) и заканчивающееся приложением (L'Appendice), включающем генеалогическое дерево династии Романовых и отрывок из описания Москвы, сделанного Ж.Лекуэнтотом де Лаво. В письмах из России французский путешественник делится впечатлениями о наиболее ярких событиях, свидетелем или участником которых ему довелось стать, и которые кратко резюмированы в начале каждого письма. Использование приема краткого изложения содержания призвано привлечь внимание читателя к важнейшим, с точки зрения автора, событиям, характеризующим незнакомую французам действительность.

Достоверность описания русской действительности достигается в книге Кюстина за счет подробного повествования об увиденном им в России. В это повествование автор включает многочисленные реалии русской действительности того времени, которые выступают как важнейшие маркеры «чужого». Абсолютное большинство русских реалий, употребляемых в анализируемой книге, являются неизвестными французскому читателю и неосвоенными французской лингвокультурой. К словарным реалиям можно отнести лишь незначительное количество русизмов, среди которых историзмы: *czar* (царь) и реалии традиционного русского быта: *moujik / mojik* (мужик), географические реалии *steppe* (степь). Эти реалии стали известны французам еще до появления книги «Николаевская Россия».

Кюстин знакомит французского читателя с русской действительностью с помощью следующих реалий русской лингвокультуры:

— географические реалии — названия регионов России (*la Sibirie, l'Oural*), географических зон (*la steppe*), рек (*la Neva, la Moscova, le Volga*), гор (*les montagnes de Valdai*), озер (*le lac Ladoga*), многочисленные топонимы, называющие большие и малые города, в которых происходит действие (*Moscou, Pétersbourg, Torjeck, Novgorod la Grande, Nijni, Tobolsk*);

— антропонимы — имена известных исторических персонажей (*Alexandre Newski, Menzikoff, Romanoff, Pierre le Grand*), писателей (*Pouskine*), общественных деятелей (*Rostopchin, Karamsin*), людей, с которыми автору приходилось встречаться во время своего путешествия по России или о которых он слышал из рассказов (*Thélénev, Fédor, Elisabeth, Basile, Xenie*);

— историко-культурные реалии (*le Kremlin, le tombeau de Saint-Alexandre Newski, le château d'Oranienbaum, l'église de Saint-Isaac de Pétersbourg*);

— реалии русского национального быта (*cafétan, drowska, armiak, téléga, tarandasse, knout*);

— реалии-историзмы (*verste, czar, khan*).

Перечисленные лексические единицы представляют собой транскрибированные (транслитерированные) русизмы (**L-реалии**), которые участвуют в создании национального колорита текста: они придают высказываниям определенный национальный, региональный или местный колорит, составляющий неотъемлемую часть поэтики [1, 483]. Все они подробно описываются автором, получая исчерпывающие характеристики на страницах книги, поэтому значение большинства реалий становится ясным французскому читателю уже из узкого контекста. Например:

La principale rue de Pétersbourg est la perspective Newski [6, 263].

В некоторых случаях внимание читателя к неизвестному слову привлекается с помощью графических средств, в особенности там, где слово несет особую смысловую нагрузку. Например, знакомое французам русское слово «мужик» (*mugic*) в значении «русский крестьянин» достаточно часто встречается в тексте:

Pour les hommes, excepte les mugics en habit national, et les marchands qui portent le cafétan, le tabarro, manteau venitien par-dessus l'uniforme [6, 215].

Однако на страницах, где автор предлагает читателю свои размышления об отношениях крестьянина и дворянина (с. 287—293), слово *mugic* выделено:

Une interdépendence comme celle des mugics de Péterhoff n'inquiète qui que ce soit. Voila une liberté, une égalité comme il en faut aux despotes! On peut vanter celle-là sans risque: mais conseillez à la Russie une émancipation graduelle, vous verrez ce qu'on vous fera, ce qu'on dira de vous en ce pays [6, 290].

Излюбленный авторский прием освоения русской действительности — сопоставление неизвестной реалии с реалией, известной французскому читателю. Это может быть своя, французская, реалия. Так, Волга сравнивается с Луарой:

La Volga est la Loire de la Russie... [6, 635].

Знакомая французского читателя с русской действительностью, Кюстин использует в сравнениях не только «свои», но и «чужие» реалии, которые уже известны во французской лингвокультуре. Так, описывая русские дрожки, автор сравнивает их с польской бричкой:

De loin en loin je rencontrais quelques drowska... (beaucoup de personnes disent drowski, mais à Petersbourg je crois qu'on dit un drowska, comme à Varsovie un briska) [6, 159].

Экспликация русских реалий происходит также через сравнение их с реалиями других культур (баскским беретом, персидской одеждой, турецким головным платком):

...cette coiffure réssemble un peu à un turban de femme ou à un béret basque [6, 160].

Этот прием оязыковления русской действительности оказывается у Кюстина одним из наиболее употребительных. Его частотность можно объяснить не только, и даже не столько его выразительным характером (хотя его экспрессивность очевидна), сколько его референциальной целесообразностью: сравнение с уже известным предметом позволяет, избегая подробных описаний, передать наиболее существенные характеристики незнакомого реалии.

Если же, по мнению автора, представление о «чужой» действительности нуждается в более полном и детальном описании, Кюстин прибегает к использованию комментариев (Notes). Обычно они помещаются в конце соответствующей главы. Они могут носить исключительно информационный характер и быть краткими:

Armiak. Longue robe.

Исторические справки информационного содержания могут быть более подробными, развернутыми, например:

Le palais d'Hiver a Petersbourg, fut brûlé le 29 décembre 1837 [6, 505].

К некоторым словам предлагается интерпретирующий комментарий, содержащий толкование, оценку событий, которые сделаны самим автором.

Так, анализируя миграцию как процесс массового переселения из деревень в город, из одной части страны в другую, Кюстин считает, что от его негативных последствий русские страдают значительно меньше, чем в других странах. Автор объясняет это «монотонностью русского пейзажа» и «примитивностью образа жизни» русских:

Le Russe souffre moins qu'un autre de ce changement, grace à l'aspect monotone de la nature dans son pays, et à la simplicité de ses habitudes; c'est ce que j'ai prouvé ailleurs.

В анализируемой книге есть также примеры смешанного, информационно-интерпретирующего комментария. Так, описывая традиционное русское чаепитие и используемую при этом посуду, автор высказывает мнение о том, что простота жилища представляет контраст с элегантностью и деликатностью напитка:

Les plus pauvres des Russes ont une théière, une bouilliere de cuivre, et prennent du thé, matin et soir, en famille, dans des chaumières dont les murs et les plafonds sont des madriers de bois de sapin brut entaillés aux extrémités pour entrer l'un dans l'autre formant les angles de l'édifice; ces solives assez mal jointes sont calfeutrées de mousse et de goudron: vous voyez que la rusticité de l'habitation contraste d'une manière frappante avec l'élégance et la délicatesse du breuvage qu'on y prend [6, 372].

Несмотря на используемые приемы, в тексте все-таки сохраняются лакуны, которые можно квалифицировать как лакуны «культурного пространства» [4, 79]. Они обусловлены присутствием русских реалий, значение которых остаётся не совсем понятным, даже при наличии достаточно подробных комментариев. Следует, между тем, заметить, что ЛЕ, создающие в тексте лакуны, не мешают пониманию основного содержания текста. Ср.:

Un postillon russe, vetu de son cafetan de gros drap [6, 452].

Кроме L-реалий, которые являются ярко выраженными маркерами оппозиции «свой»||«чужой», в книге Кюстина широко представлены **С-реалии**. Наиболее многочисленными являются С-реалии, которые передают культурные концепты, связанные с русской действительностью. Здесь можно выделить два типа концептов — во-первых, это понятия, связанные с передачей бытовых условий, образа жизни и особенностей быта русских людей, и во-вторых, с особенностями русского национального характера.

Одним из распространенных приемов, к которым прибегает Кюстин при описании «чужой» для французов действительности, является подробная экспликация значения русского слова без номинации предмета, который называется данным словом, конкретной лексической единицей. Этот способ автор использует, в частности, при описании конкретной «вещной» лексики, например, одежды русских крестьян.

Так, подробно описывая тулуп, автор обходится без его номинации, не предлагая ни русизма, ни называющей его французской лексической единицы:

... six ou douze matélots deguenilles, a demi couverts de peaux de mouton retournées, la laine en dedans et le cuir crasseux en dehors... [6, 144].

Из специальных языковых средств при описании незнакомой реалии используется выражение *une espèce de* — «вид, сорт, разновидность чего-то». Например, одежда русской крестьянки (вероятнее всего, сарафан) характеризуется как «вид пеньюара»:

Les paysannes ... avaient un costume qui annonce l'absence totale de coquetterie; c'est une espèce de peignoir très large qui s'agrafe au cou et tombe jusqu'à terre. Ce surtout qui ne marquee nullement la taille, est fermé par-devant au moyen d'un rang de boutons [6, 455—456].

Le plus souvent leur chaussure est faite de nattes de roseau, tissées par les paysans eux-mêmes et attachées aux jambes en guise de bottines avec des ficelles pour servir de lacet. C'est plus beau en sculpture qu'agréable à voir dans la vie usuelle. Quelques statues antiques nous prouvent l'ancienneté de cet ajustement [6, 455].

В данном отрывке представлено детальное описание обычной для того времени крестьянской обуви — лаптей. Это описание включает в себя объективную информацию, которая передается через такие характеристики, как «самодельная», «плетеная», «привязанная к ногам» «перекрещивающимися веревками». Субъективная информация отсылает читателя к знакомому ему предмету и сопровождается субъективной оценкой автора — «такой обувью приятней любоваться на статуях, чем видеть ее в повседневной жизни».

Перечисленные способы воссоздания С-реалий нацеливают французского читателя на адекватное, с точки зрения Кюстина, страноведческое осмысление России. Страницы текста, густо насыщенные русскими реалиями, воспринимаются читателями как развернутые «синтагматические реалии», «подлинныя сколки с жизни», которые французы называют «tranche de vie».

Поскольку «разница культур в первую очередь ассоциируется с национальными различиями» [5, 99], в книге «Николаевская Россия» большое внимание уделено описанию русского характера. Восприятие русского национального характера французским путешественником во многом объясняется традицией, восходящей к работам французских просветителей (прежде всего Шарля-Луи Монтескье): главным фактором, формирующим культуру и национальный характер, является климат. Различия климата, растительности, животного мира, способов добывания пищи формируют разные виды образа жизни и, соответственно, разные пути культурного развития. Именно с этих позиций Кюстин представляет своему читателю важнейший концепт своего повествования — Россию.

РОССИЯ (LA RUSSIE) видится автору как бескрайняя равнина, плоская, сырая, пустынная с чахлой растительностью и бледным солнцем:

... la Russie... c'est-à-dire une lande humide, basse et parsemée a perte de vue de bouleaux qui ont l'air pauvre et malheureux. Ce paysage uni, vide, sans accidents, sans couleur, sans bornes et pourtant sans grandeur, est tout juste assez éclairé pour être visible [6, 139].

Серый, печальный и скучный пейзаж, который гораздо лучше выглядит морозной зимой, чем жарким летом (*le linceul de l'hiver vaut mieux que la grise vegetation de la belle saison*), создает у иностранца плохое настроение (*son humeur morose*) и заставляет его смотреть на все сквозь призму «этноцентрической оппозиции»: «свое» (французское, европейское) — хорошее, цивилизованное, передовое, в то время как «чужое» (русское) — дикое, отсталое, нецивилизованное. В России все парадоксально: светлые ночи и мрачные дни (*les nuits qui ont une clarte qui etonne, mais les jours conservent une obscurite qui attriste*), огромные усилия, предпринимаемые для достижения незначительного результата (*grands efforts pour un petit resultat*), отсутствие гармонии между человеком и природой (*il n'y a ici nul accord entre les inventions de l'homme et les donnees de la nature*). Последнее обстоятельство особенно поражает и шокирует иностранца:

Ce manqué d'harmonie me choque à chaque instant [6, 151].

По мнению Кюстина, положение иностранцев в России усугубляется тем, что к ним здесь относятся с недоверием (*être soumis à un indéterminable examen, trouver suspect*), за ними постоянно следят (*des nouvelles persecutions que m'ont fait subir*), они находятся в ситуации неравенства по отношению к местному населению (*une grande inégalité de traiter les voyageurs*) и никогда не смогут ни адаптироваться к русской жизни, ни ассимилироваться с местным населением:

En Russie, les étrangers perdent bientôt toute trace de nationalité, sans toutefois s'assimiler jamais aux indigènes [6, 154].

Таким образом, восприятие РОССИИ у Кюстина связано с такими характеристиками, которые определяются через концепты *STEPPE* — (степь), *SANS BORNES* (безграничный, безбрежный), *MONOTONE* (монотонный), *VIDE* (пустой), *HUMIDE* (влажный), *GRIS* (серый), *PALE* (бледный, блеклый), *SANS COULEUR* (бесцветный), *TRISTE* (грустный), *MOROSE* (мрачный, угрюмый).

Концепты *INEGALITE* (неравенство) и *PEUR* (страх) оказываются основными при характеристике политической и социальной жизни в стране. Автор описывает николаевскую Россию как импе-

рию страха (*empire de la peur*), где правит монархический деспотизм (*despotisme du monarque russe*), где государственный строй — это строгая военная дисциплина, которая подавляет все и всех. Деспотизм в России носит особый характер: он функционирует с математической точностью и имеет следствием крайнюю степень угнетения:

En Russie, le principe du despotisme fonctionne toujours avec une rigueur mathématique, et le résultat de cette extrême conséquence est une extrême oppression [6,180].

Такая атмосфера, считает французский писатель, влияет на особенности национального характера в той мере, в какой и национальный характер русских влияет на выбор формы правления в стране:

Il me semble cependant que l'influence est réciproque: ni le gouvernement russe ne se serait établi ailleurs qu'en Russie, ni les Russes ne seraient devenus ce qu'ils sont, sous un gouvernement différent de celui qu'ils ont [6,157].

Таким образом, Кюстин дополняет мрачную и грустную картину николаевской РОССИИ реалиями общественно-политической жизни этой эпохи: *DESPOTISME* (деспотизм), *TYRANNIE* (тирания), *SOUVERAIN ABSOLU* (абсолютный монарх), *OPRESSION* (угнетение).

Концепт РОССИЯ и концепт РУССКИЙ ХАРАКТЕР взаимно обуславливают и взаимно дополняют друг друга.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР, по Кюстину, также в значительной степени сформировался под влиянием географических факторов, в частности, расположения России в северных широтах. Как и все северные народы (*les gens du Nord*) русские проявляют волю и упорство в борьбе с суровой природой своего края.

Как и все северные народы, русские ненадежны и недоверчивы, они не способны на глубокие чувства и нежные привязанности и готовы в любой момент покинуть родные края:

Les gens du Nord ont des coeurs incertains, des sentiments douteux; leurs affections sont toujours mourantes comme les pales lueurs de leurs soleil: ne tenant a rien, ni a personne, quittant volontiers le sol qui les a vus naître; crees pour les invasions, ces peuples sont uniquement destinés a descendre du pôle a des époques marquées par Dieu, pour rafraichir les races du Midi brûlées par le feu des astres et par l'ardeur des passions [6,148].

Более того, русские двуличны и лицемерны:

... ce sont les êtres les plus trompeurs de la création; le doute fuit devant leur souffle; ils croient ce qu'ils imaginent; nulle défiance ne tient contre leur

parole; s'ils ne maintiennent pas à d'autres, ils se mentent à eux-mêmes: car leur élément, c'est le prestige; leur Bonheur; l'illusion; leur vocation, le plaisir fonde sur l'apparence [6,147].

Для русских разговор — это уже заговор, а думать — это бунтовать. Горе от ума — обычное для России явление:

En Russie, converser c'est conspirer; penser c'est se revolter: hélas! La pensée n'est pas seulement un crime, c'est un Malheur [6,178].

Русские не знают истинной любви к своей стране, для них любовь к Родине — способ угодить своему властелину:

... l'amour de leur pays n'est pour eux qu'un moyen de flatter le maître, sitôt qu'il pensent que ce maître ne peut les entendre [6,145].

Русские похожи на «винтики и колесики» большой государственной машины, они, как автоматы, подчиняются чужой воле:

Ce membre fonctionnant d'après une volonté qui n'est pas en lui, vit autant qu'un rouage d'horloge; pourtant on appelle cela l'homme, en Russie [6,142].

Подчинение, послушание — необходимые условия жизни в России: русские «любят собственное рабство»:

On peut dire des Russes, grands et petits, qu'ils sont ivres d'esclavage [6, 158].

Отсюда — лень, инертность, любовь к порядку и повиновению. Русские, по мнению иностранцев, достойны сожаления: они жертвы своей цивилизации.

Русские по-детски наивны, многое для них — всего лишь игра, они хвастливы и амбициозны, они живут инстинктами, а не чувствами. Просвещение пока не коснулось их (156,180—181):

Des hommes ont adoré la lumière; les Russes adorent l'éclipse: comment leurs yeux seraient-ils jamais desillés [6,156]?

Анализируя русское общество, автор приходит к выводу о том, что оно создано исключительно для русских («чтобы жить в России, нужно быть русским»):

C'est ce qu'on voit du premier coup d'oeil en entrant au pays des Russes, c'est que la société, telle qu'elle est arrangée par eux, ne peut servir qu'à leur usage; il faut être russe pour vivre en Russie: et pourtant en apparence tout s'y passé comme ailleurs [6,180].

Подробное изложение многочисленных и разнообразных фактов, характеризующих николаевскую Россию, приводит Кюстина к мысли, что Россия отделена от Франции великой китайской стеной, созданной языком и славянским характером:

Il y a entre la Russie et la France une muraille de la Chine: la langue et le caractere slaves [6, 211].

Таким образом, РУССКИЙ ХАРАКТЕР определяется в книге Кюстина через такие концепты, как *INCERTITUDE* (нерешительность, неуверенность), *MEFIANCE* (подозрительность), *RUSE* (хитрость), *FAUSSETE* (лживость, лицемерие), *SALETE* (нечистоплотность), *DESORDRE* (беспорядок), *NAIVETE* (наивность), *INCULTE* (необразованный, непросвещенный), *OBEISSANCE INVOLONTAIRE* (рабское подчинение, повиновение), *VICTIME* (жертва), *PITIE* (жалость), *PARESSE* (лень), *INERTIE* инертность), *SANS LIBERTE* (несвободный), *ESCLAVAGE* (рабство).

Перечисленные С-реалии, хорошо известные французам как с точки зрения формы, так и содержания, оказываются, применительно к российскому контексту, наиболее яркими маркерами «чужого» и, следовательно, выступают как главные средства воздействия на читателя. Они подтверждают сложившийся во французской лингвокультуре отрицательный стереотип России, закрытость французской культуры для русской. Слабая степень проникновения во французскую культуру элементов русской культуры свидетельствует об отсутствии взаимонаправленности в процессе межкультурного взаимодействия.

Р-реалии, как следствие подмены «чужой» реалии своей, можно рассматривать как способ адаптации, вызванный межкультурной асимметрией [1, 404]. При переводе адаптация необходима для того, чтобы сохранить целостную систему смыслов исходного речевого произведения, чтобы добиться аналогичного коммуникативного эффекта. Применение адаптации при освоении «чужой» действительности продиктовано не тем, что получатели переводного текста не в состоянии понять какое-то явление чужой для них действительности, а асимметрией языковых картин мира, неоднозначностью ассоциативных связей, устанавливаемых между именами, понятиями и предметами реального мира [1, 404]. Адаптация, предполагающая замену самой предметной ситуации, относится к наиболее кардинальным переводческим преобразованиям [1, 405].

В книге Кюстина нами отмечено несколько наиболее типичных случаев, связанных с заменой русских реалий французскими.

Замена традиционной для России меры длины *верста* французской *лье* — *lieue*:

... il monte légèrement sur mon siège, pour me faire faire au triple galop quatre lieues et demie ou cinq lieues en une heure [6, 447].

Необходимо отметить, что французская реалия употребляется преимущественно как кореферентная, заменяя и уточняя значение русской L-реалии. В подобные контексты могут вовлекаться и другие лексические единицы, относящиеся к данной тематической (лексико-семантической) группе. Так, русская реалия «рубль» (*rouble*) разъясняется далее в тексте с помощью французской «франк» (*franc*) и более общих по значению «кредит» (*credit*) и «срок оплаты/погашения» (*termes de paiement*):

La loi défend pourtant a un serf de demander, et aux homes libres de lui accorder du crédit pour plus de cinq roubles. Eh bien, on traite sur parole avec plusieurs de ces hommes pour deux cents mille, pour cinq cent mille francs, et les termes de paiement sont fort reculés [6, 686].

Понятно, что такой прием не мог получить широкого распространения в книге Кюстина: установить эквивалентность между реалиями собственной культуры и такой экзотической и удаленной в пространственном отношении культуры, как русская, весьма проблематично. В этом случае могут возникнуть так называемые обманчиво эквивалентные слова, принадлежащие к разным, далеко не эквивалентным мирам, речевым коллективам и их культурам [5, 144]. Чтобы объяснить читателю суть русской реалии и избежать «обманчивой эквивалентности», автор нередко использует французское слово в переносном значении. При этом он сам создает метафорические значения, которые не зафиксированы французскими словарями. Так, для реалии «лошади, запряженные цугом» Кюстин использует *LE ligne* (линия, черта), выделяя ее в тексте с помощью курсива и снабжая ее подробными описаниями, ср.:

... on monta dans les voitures de la cour qu'on appelle des lignes [6, 302].

Прием замены русской реалии более общим по значению — родовым — словом французского является одним из распространенных в анализируемой книге. Например, вместо русского «тулуп» автор использует французское *pelisse* «пальто на меху/на вате», уточняя, что этот вид кожаной одежды сделан из «овчины мехом внутрь»:

... quatre ou cinq paysans barbues, couverts de pelisses de mouton dont la laine est tournée en dedans [6, 404].

Таким образом, в процессе оязыковления «чужой» действительности А. де Кюстин использует различные лингвистические приемы, в том числе, три основных типа реалий: L-реалии, С-реалии и R-реалии. Все они участвуют в создании специ-

фичной для России картины мира, отображая ее основные параметры, связанные с базовыми пространственными, временными, социальными, этнографическими характеристиками.

Употребляемые в тексте типы реалий выполняют функцию маркеров «чужой» культуры, маркеров «чужой» картины мира и отражают различия в категоризации и концептуализации мира русской и французской лингвокультур, выделяя как их общие, так и национально специфические черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.

2. *Гессен С., Предтеченский А.* Маркиз де Кюстин и его мемуары // Кюстин А. Николаевская Россия — М., 1990. — С. 15—47.

3. *Мироненко С.В.* Голос из прошлого. Предисловие // Кюстин А. Николаевская Россия — М., 1990. — С. 3—15.

4. *Сорокин Ю.А.* Текст и его национально-культурная специфика / Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. // Текст и перевод. — М., 1988. — С. 76—84.

5. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культуры: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-Минасова — М.: АСТ: Астрель : Хранитель, 2007. — 286 с.

6. *Marquis de Custine* La Russie en 1839. / M. de Custine/ ACTES SUD, 2005. — 922 p.